

Денис Гаврилов

Теория гегемонии

16+

Денис Роиннович Гаврилов

Теория гегемонии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67427154

SelfPub; 2022

Аннотация

В данной работе известный философ и идеолог Денис Гаврилов рассматривает основные постулаты теории гегемонии Антонио Грамши через призму классовой и геополитической борьбы. Помимо политико-философского осмысления трудов итальянского деятеля предлагается новое прочтение и развитие неограмшизма на службе евразийской научной мысли.

Содержание

Размышления о теории гегемонии	4
Грамшизм на новый лад	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Денис Гаврилов

Теория гегемонии

Размышления о теории гегемонии

Три десятилетия прошло с тех пор, как Советский Союз рухнул. На протяжении столетия марксистский проект представлял собой альтернативу существующему капиталистическому миру. Это был вызов, который следовало принять. В сложной тяжёлой борьбе этот проект, казалось бы, должен был одержать безоговорочную победу. Но подвели невыученные уроки, недостаточная проработка идеи контргегемонии в сознании элиты и народа. И сегодня, обращаясь к прошлому, думающие патриотические силы нашей страны проводят работу над ошибками. В своих стремлениях можно руководствоваться личной практикой и интуицией, можно стремиться к подвигам ради Родины, но всё это будет тщетно при подведении итогов. Деградация охватывает любую идею, но если план изначально был разработан без учёта хотя бы одного из множества факторов жизни общества, располагал неверными подходами, то, в конечном счёте, крах не минует, и средний по силе кризис станет последним.

Большой вклад в понимание природы власти и взаимодействия этой власти с обществом внёс итальянский философ

марксизма Антонио Грамши. У него была печальная судьба, последние годы жизни он провёл в тюрьме, будучи репрессирован итальянскими фашистами. Но здесь закалённый характер революционера не подводит, он пишет знаменитые «Тюремные тетради», в которых излагает свою концепцию гегемонии. Это одна из немногих постреволюционных работ, которая подробно описывает видение хода захвата и удержания власти над обществом. Неслучайно его труды были востребованы в Холодной войне американскими политиками. Работая ради победы коммунизма, Грамши сделал множество открытий общенаучного значения. Наш известный политолог и публицист С. Кара-Мурза в предисловии к одному из изданий Грамши констатирует: «Теорией, созданной коммунистом, эффективно воспользовались враги коммунизма (а наши коммунисты её и знать не желают)». Действительно, в американских базах можно встретить широкий диапазон событий, для исследования которых используется методология грамшизма. Технологии разжигания национальных конфликтов занимают в ней лидирующее место.

У Грамши можно выделить несколько направлений мысли: учение о гегемонии, связь интеллигенции с народом и государством, значение культурной надстройки, соотношение политического и гражданского общества. Мы по порядку рассмотрим каждую из них и сопоставим с современным положением дел.

Главенствующую роль занимает учение о гегемонии.

Многие современные марксисты трактуют государство лишь как аппарат принуждения, в результате чего зачастую формируется негативное отношение к институту государства, а в практической деятельности ему отводится посредственная роль, которая нередко противоречит текущей бюрократической централизации. Грамши говорит нам, что власть господствующего класса держится не только на насилии, но и на согласии гражданского общества. Поэтому в механизм осуществления власти входит блок по убеждению населения в правильности собственных инициатив. Контролировать экономические ресурсы господствующему классу недостаточно, буржуазия не могла бы удержаться только на эксплуатации пролетариата. Рано или поздно негативный характер таких взаимоотношений выходит на свет. Поэтому буржуазия формирует стабильную власть как в ходе установления собственной силы и могущества, так и за счёт принципа согласия.

Казалось бы, как может эксплуататор убедить рабочего в необходимости такого взаимодействия? Как вообще действует принцип согласия? Одни недалёковидные марксисты утверждают, что такое согласие даётся только исходя из того, что пролетариат не осознал собственное положение и без просвещения не может отнести себя к эксплуатируемому классу. Когда как это не объясняет неудобные свидетельства в революционные годы роли части пролетариата, который сознательно боролся за права собственной буржуазии, становясь предателем своего класса. И вот здесь можно вспом-

нить дальнейшее рассуждение Грамши о том, что легитимность власти исходит из значения культурной надстройки, её контроля властью и политической интеллигенцией, которая, привлекая в свои ряды интеллигенцию традиционную, становится посредником между властью и народом. Т. е. проецирует конформистские взгляды на остальные слои.

Интеллигенция здесь связывающее звено, которое занимается направлением развития общества. Во многом интеллигенция Грамши есть не что иное, как элита в теориях Парето и Моска. Повторяется тезис о необходимости циркуляции элит (т. е. интеллигенции) в государстве для поддержания его стабильности. Когда подобная циркуляция нарушена, созревает политический класс контрэлиты, которая не согласна с текущим положением дел и стремится получить власть для удовлетворения собственных интересов. Газетно Моска был итальянским учёным, современником Антонио. Заметно, что Грамши оказал на его труды существенное влияние. Так в учебных пособиях белорусского университета изложены по его работам следующие условия достижения власти контрэлиты:

1. В обществе должны обостриться проблемы циркуляции элит, в результате которых, деградация правящей группировки будет сопровождаться значительным возрастанием пропорции людей, обладающих элитными качествами среди не имеющих отношения к власти групп общества.
2. Должен обозначиться кризис легитимности действующей

щей власти, обеспечивающий переход на сторону контрэллиты не только многих простых людей, ищущих в ней защиты и покровительства, но и представителей так называемой “второй страты политического класса”.

3. Контрэлита в организационном плане должна сочетать в себе элементы массового движения низов и интеллектуального ядра, представленного выходцами из господствующей страты.

4. Политическая организация контрэллиты должна обеспечить внутреннюю циркуляцию элементов, обеспечивающую заполнение руководящих позиций наиболее талантливыми и работоспособными представителями из разных слоев общества.

5. Приход к власти контрэллиты в итоге зависит от умелого сочетания политического прагматизма и принципиальности её политической программы.

В то же время непосредственно в трудах Грамши мы можем увидеть анализ структур интеллигенции, которые в сфере Политического и формируют элиту. Традиционная интеллигенция более инертна, характерна для сельской местности. Зачастую она представлена врачами, учителями, священниками. Она формируется веками и существует на протяжении длительного исторического периода. Органическая элита (или политическая) представляет собой наиболее активную социальную группу людей. В традиционной интеллигенции (более консервативной) Грамши видел большое

значение для общества, потому что любая социальная группа, которая борется за гегемонию, так или иначе будет нуждаться именно в традиционной интеллигенции. Именно она обеспечивает базовые потребности государства. Но даже при переходе из аграрного общества в индустриальное крестьянин будет скрыто завидовать именно этой интеллигенции, так как видит в ней более высокий социальный статус. Отсюда и стремление сделать своих детей частью этой интеллигенции. Взаимодействие традиционной интеллигенции с политической, которая формируется в городах из политических партий, всегда ключевой момент для государства. При благоприятных обстоятельствах правящая политическая интеллигенция заключает союз с традиционной. Если этот союз потерян, то гегемония государства подрывается.

Но всегда ли интеллигенция являет собой элиту? Насколько эти понятия сходны у Грамши и Парето? Тот же Моска использовал наработки Парето, но элиту всегда приравнивал к правящему классу. В сборнике «Наука политики» говорится, что интеллигенция служит «приказчиками» господствующей группы:

- 1) для обеспечения «спонтанного» согласия широких масс населения с тем направлением социальной жизни, которое создано основной господствующей группой;
- 2) для приведения в действие государственного аппарата принуждения, «законно» обеспечивающего дисциплину тех групп, которые «не выражают согласия» ни активно, ни пас-

сивно.

Таким образом, правящая политическая интеллигенция обладает всеми политическими свойствами правящей элиты. Политическая партия в этой структуре не последнее звено. Для одних социальных групп это источник формирования собственной интеллигенции, для общества – это механизм, который выполняет функцию государства в гражданском обществе. Этот процесс можно сравнить с эффекторными молекулами, которые работая как лиганды, могут повышать или понижать активность выработки ферментов. Так и здесь. Партия является индикатором необходимости вмешательства государства в те или иные проблемы через свою интеллигенцию.

Гегемония по Грамши – это непрерывный динамичный процесс, регулирующий политическое положение, при котором достигнут достаточный уровень согласия в обществе. Интересно, что в своих работах он часто ссылается на гражданское общество, на необходимость создания «сверху» государством этого гражданского общества и значение наличия более элитарного политического общества. Можно заметить, что философская матрица, в которой проводят свои исследования те же противники либерализма с левого лагеря, сама по себе осталась непреодоленной. Грамши активно использует понятия гражданского общества, которое ввёл Гоббс. Совокупность индивидуумов-«идиотес», т. е. атомарных оторванных от своих ценностей людей как бы выразил-

ся Александр Гельевич Дугин, в марксистских рассуждениях встречается уже с начала 20 века, при этом обозначая совершенно иное. Тем не менее мы будем продолжать употреблять термин «гражданское общество» в дальнейшем разборе Грамши, но не в либеральном значении. Грамши понимал гражданское общество иначе. Под ним он подразумевал интеллектуальное сообщество людей, которое взаимосвязано с государством.

В историческом ключе полноценная гегемония в качестве согласия общества с государством не только сглаживает классовые противоречия, но и позволяет достигать деятельного согласия, некоего пассионарного толчка в развитии государства. Этим в одинаковой мере пользуются как прокоммунистические власти, так и «буржуазные». Недостаток всех тоталитарных режимов заключается в том, что государственное принуждение замещает согласие, а бюрократическая централизация в противовес демократической централизации разрывает органическую связь государства с гражданским обществом.

С одной стороны, гражданское общество (при наличии) вовлекается в работу государства, но с другой, одновременно с этим происходит становление безразличного отношения к былым целям. Выйти из этой ситуации можно с помощью строительства новой гегемонии. Новая власть, которая не понимает принципа гегемонии, но пытается выйти из сложившейся ситуации волной демократизации, лишь обрывает

последнюю связь государства с обществом. Общество, становясь свободным, не сочувствует целям государства, потому что давно отделено от него в тоталитарном принуждении, поэтому пользуется свободой неразумно и сводит процессы к новой катастрофе. Грамши с одной стороны приветствовал политику централизации Сталина, но с другой был недоволен такой концентрацией власти – возникала культурная гегемония, но рушилась гегемония политической партии при наличии всей полноты власти у неё.

Грамшизм не отрицает ленинский исторический материализм, но перерабатывает его через призму личного понимания гегемонии. Гегемония не стихийный процесс противостояния, а «молекулярный». С. Кара-Мурза удачно выразил это явление: «Гегемония опирается на «культурное ядро» общества, которое включает в себя совокупность представлений о мире и человеке, о добре и зле, прекрасном и отвратительном, множество символов и образов, традиций и предрассудков, знаний и опыта многих веков. Пока это ядро стабильно, в обществе имеется «устойчивая коллективная воля», направленная на сохранение существующего порядка. Подрыв этого «культурного ядра» и разрушение этой коллективной воли – условие революции. Создание этого условия – «молекулярная» агрессия в культурном ядре [...] Это «огромное количество книг, брошюр, журнальных и газетных статей, которые без конца повторяются и в своей гигантской совокупности образуют то длительное усилие, из ко-

торого рождается коллективная воля определённой степени однородности...»

Грамши хвалит Ленина за применение «манёвренной борьбы» для достижения гегемонии. Первым делом большевики активно использовали в качестве пропаганды средства массовой информации, а во времена революции захват тех же телеграфов, печатных издательств стал приоритетной целью. В.О. Мушинский указывает нам, что суть гегемонии как морального, интеллектуального и политического руководства обществом состоит в том, что сознание господствующего класса или наиболее влиятельной его части, его мировоззрение и идеалы воспринимаются обществом как справедливые и истинные, как всеобщий здравый смысл.

Отсюда и цель буржуазного класса, не являясь таковым, он всячески стремится поддерживать иллюзию собственной справедливости, чтобы получить легитимность собственного положения в глазах общества. Культурная надстройка у Грамши по значению равноценна базису. Неслучайно большевики уделяли внимание огосударствлению просвещения в школах и институтах, но всё это стало возможным за счёт неразвитости в империи гражданского общества. Для европейских западных государств «манёвренная борьба» провалится, потому что там хитрые «макиавеллисты», связывая гражданское общество с политическим, окутали реальную жизнь эксплуатируемых классов концепцией прав человека, а потому уничтожение буржуазии там возможно только в ре-

зультате длительной «позиционной» войны.

Здесь Грамши отходит от узкого термина государства, и предлагает понимать его как единство политического и гражданского общества. Западное общество, создав идол материальной культуры, сделала не что иное, как прививку своему «культурному ядру» от революции. Интересы буржуазии по наращиваю прибыли стали совпадать с интересами трудящихся по приобретению производимых товаров потребления. Появляется замкнутый капиталистический круг, который можно разрушить внедрением других ценностей. При этом новые ценности не должны противоречить традиционным, иначе контргегемония будет отбита на рубежах обращением буржуазной гегемонии к былым народным «скрепам». Поэтому реальная борьба по Грамши может разгореться именно за приобщением к этим традиционным ценностям. Марксизм же зачастую их отвергает, приписывая в инструментарий буржуазии.

Другое свойство гегемонии – это её скрытность. Любой гражданин знает, что за нарушение закона полиция его посадит в тюрьму. Принуждение государства проявляется явно. Гегемония никогда не говорит о себе открыто, она не любит рассуждений о собственных идеологических прививках в СМИ, книгах, лекциях.

Грамши отрицает либеральные идеи Кроче. Он критикует того за приравнивание духа политики к страсти человека. Критикует за внесение законов естественных наук к гу-

манитарно-экономической деятельности. Поэтому и вся философия практики у него оказывается пересмотренной. «Если люди осознают своё общественное положение и свои задачи на почве надстроек, это означает, что между базисом и надстройкой существует необходимая и жизненная связь. Следовало бы рассмотреть, против каких направлений в историографии выступила философия практики в момент своего появления, и какие взгляды были распространены в то время в других науках» – говорится в «Тюремных тетрадах».

Переводя гражданское общество из марксистского базиса в область надстройки, Грамши невольно приуменьшает значение экономической жизни. У Маркса термин гражданского общества можно проследить в трёх значениях. Первое и главенствующее трактует общество как обозначение любого исторического развития, т. е. его «естественного базиса». Помимо первой характеристики ступени и формы экономического развития, Маркс также даёт нам понять его буржуазную сопричастность: «Гражданское общество обнимает все материальное общение индивидов в рамках определённой ступени развития производительных сил. Оно обнимает всю торговую и промышленную жизнь данной ступени и постольку выходит за пределы государства и нации, хотя, с другой стороны, оно опять-таки должно выступать вовне в виде национальности и строиться внутри в виде государства». Грамши не отрицает этого – да, гражданское общество, «естественный базис». Но извольте понимать его как

часть надстройки.

И вот в дальнейшем мы видим, как он косвенно отходит от классического истмата: «Именно ему (кальвинизму) выпало на долю энергично двинуть вперёд экономическую жизнь, производство и накопление богатства. Лютеранская реформа и кальвинизм вызвали широкое народно-национальное движение, в котором они и растворились». Растворились как либерализм в постмодерне, хочется продолжить его цитату. Что мы видим здесь? Довольно необычно, что марксист косвенно подтверждает будущие исследования Макса Вебера с его теорией о значении культуры как элемента базиса.

Грамши определённо не собирался спорить с Марксом. Но при этом он сам не отрицает, что именно кальвинизм подтолкнул развитие капитализма, когда как все ортодоксальные марксисты не замечают того явного факта, что до первичного накопления капиталов в Европе и до разграбления колоний (что в классической версии и подтолкнуло к развитию капиталистического общества) на 2 века раньше случилась церковная реформация и появление протестантизма с его этикой потребления и богатства в кальвинизме. А протестантизм хоть и появился в результате кризиса католичества через увеличение стоимости индульгенций, носил исключительно характер изменения общества в культурной сфере, а не экономической, которая у Маркса неожиданно стала определять всё восприятие общества.

Нет. Сначала человек решает для себя этический вопрос – увеличить индульгенции и дать займы под проценты – вопрос, который всегда относился к принципам культуры народов, а только потом через эту деградацию сознания появляется экономика с её определением жизни общества. Замечна религия светской идеологией национального единения не привела к высокой культуре. Грамши приводит удачную цитату стихотворной строки Кардуччи по этому поводу: «Движимые той же верой, они обезглавили: Иммануил Кант – бога, Максимилиан Робеспьер – короля»!

Косвенно перетрактовав истмат, Грамши расширяет ленинское понимание классовой борьбы. У марксистов сложилось ложное впечатление, что в борьбе классов пролетариат исходит всегда из своей принадлежности, и только классовая принадлежность стимулирует пролетариат на революционные действия. Для Грамши политические субъекты не всегда копируют классовые интересы, скорее они образуют некий универсальный комплекс "коллективных волеизъявлений". Аналогичные логические элементы, артикулируемые классом-гегемоном, не имеют классовой принадлежности. Если чувство классовой солидарности не является силой, объединяющей разные группы общей коллективной воли, то это означает, что существует другой фактор интеграции, который имеет, по крайней мере, равное значение.

К одному из таких факторов для восточных цивилизаций (и нашей, в том числе) можно отнести ценность го-

сударства, религии, исторического прошлого, коллективной идентичности вопреки индивидуальной. Используя методологию теории гегемонии, можно вывести стратегию удержания власти для гегемона и контрстратегию для оппозиционных сил. В условиях усложнения гражданского общества открытое нападение на государство через манёвренную войну неизбежно приведёт к провалу, потому что давно установлен контроль над самыми различными сферами жизни общества. Значит для современной контргегемонии единственный путь получения власти является позиционная война.

Как отметила Шанталь Муфф: "В действительности, позиционная война – это процесс идеологической борьбы, посредством которой два основных класса пытаются присвоить неклассовые идеологические элементы для того, чтобы интегрировать их в идеологическую систему, которая артикулирует себя вокруг их соответствующих гегемонистских принципов. Следовательно, это только этап в борьбе, этап, в котором новый гегемонистский блок цементирует себя, но это решающий момент...»

Другими словами, главный элемент позиционной войны заключается в захвате институтов гражданского общества, а основная цель этого действия – переписать культурное ядро под свои интересы. Чтобы противостоять подобной стратегии, гегемония может обратиться в лице бюрократии:

- 1) через вытеснение процесса представительства, т. е.

отрицание демократической системы «народных депутатов» (ещё советской системы), которые с практической стороны дела,

представляют собой политические «делегации» пролетарских профессий.

2) и замещению их через достижение согласия за счёт технической компетентности, т. е. мы смотрим не на то, чьи интересы продвигает чиновник, а на его опыт работы и образование.

Это, в свою очередь, обязательно приведёт к значительному уменьшению значения идеологии. Поясним. Власть в таком случае должна демократические процессы сохранить внешне, но идеологическую почву, на которой всегда строилась актуальная политика, просто заменяют профессиональными качествами. Вся борьба контргегемонии, которая опиралась на идеологический базис, в таком случае в глазах общества будет упрощена и низведена. При замене идеологии политикой цель свержения гегемонии уходит на второй план. Но даже в случае провала такой стратегии, правящий класс, превратившись из руководствующего лишь в господствующий, может всегда применить принуждение. Когда государство часто прибегает к функциям принуждения, это говорит о том, что его гегемония в обществе потеряна.

Нужно понимать, что захват власти без учреждения властной гегемонии над обществом до этого будет сопровождаться кризисными явлениями, которые могут перерасти в пе-

редачу власти другой социальной группировки. От этого предостерегал Грамши большевиков. И как мы видим не зря. Процесс огосударствления сфер общества был необходим без наличия твёрдого гражданского общества как на Западе, которое могло стабилизировать обстановку. Но оно должно было вылиться не в тоталитаризм, а цельное движение создания нового человека, новой цивилизации.

Здесь хочется сделать ему замечание, сколько Грамши не критиковал Кроче, но сам всё же перенял некоторые либеральные представления, предлагая нам после учреждения гражданского общества отказываться в перспективе от влияния государства вообще. Русское государство изначально включало в себя органическое симфоническое общество, идеи гражданского общества в историческом видении были для него чужды и непонятны. Почему? К предпосылкам для формирования общества такого типа относится:

1) автономизация общества, превращение человека в индивида, освобождённого от всяких уз, связывающих его с ближним.

Наше общество в этико-политической сфере освобождение от всяких уз однозначно осуждало. И это не признак «варварства», а закономерный исторический итог жизни православного государства, где категория «ближнего» ценна уже потому, что существует принцип заботы человека о своём ближнем. Автономизация общества вообще чуждое понятие, потому что связь общества с государством – есть

прямое делегирование своих интересов через государство.

2) *наличие в обществе частной собственности на средства производства: «Первый, кто расчистил участок земли и сказал: „Это моё“, – стал подлинным основателем гражданского общества.*

Частная собственность на средства производства в Российской империи слабо развивалась из-за крепостного феодального характера общества. Но в русских традициях изначально было принято высмеивать жадного человека, а тем более буржуа, который с возгласом «Этом моё!» забирает себе все ценности на глазах у общества. Поэтому, когда феодализм, в котором собственность какого-нибудь «князька» в крестьянском сознании была и народной крестьянской собственностью (речь, конечно, о земле), сменился капитализмом, где земля стала исключительно помещичьей – то народ естественно начинал протестовать против таких несправедливостей.

Когда Томас Пейн утверждает: «Гражданское общество – благо, а государство – неизбежное зло. Чем совершеннее гражданское общество, тем менее оно нуждается в регулировании со стороны государства», нам ничего не остаётся, как только отторгнуть такое дикое представление. В русском сознании всё наоборот, государство есть благо, потому что оно защищает народ, а гражданское общество под маской прав человека занимается его разрушением. Во многом такая картина образовалась в результате масштабного финанси-

ния американцами неправительственных организаций, которые преследовали отнюдь не пророссийские цели. Так что в этом вопросе мы не согласимся с точкой зрения общей парадигмы марксистского дискурса, в которую был вовлечён и Грамши.

Кто-то упрекнёт, что вы, отвергая либеральное представление о гражданском обществе, отвергаете и концепцию прав человека, вы не цените жизнь человека и его потребности, а хотите установить новую инквизицию! И подобные возгласы периодически исходят из уст известных людей. Но они изначально строятся на неверных представлениях. Мы не отвергаем права человека как таковые и его потребности. Мы лишь отвергаем вредную идеологию, которая присвоила себе исключительное право называть себя антропоцентричной. Христианский гуманизм ещё до гуманизма Просвещения обладал куда большей заботой о человеке и был полноценен. Инквизиция появилась как итог забвения истинного христианства, вырождение человека. Это вырождение попыталось назвать себя в эпоху Возрождения возвращением к истокам, но на деле оно оформило антинародную атомистическую концепцию представлений о человеке.

Грамшизм на новый лад

Мегаполис. Небо окутано серым смогом. Рано утром рабочий идёт на работу по грязной улице. Рядом с ним такие же серые прохожие, спешат по своим делам, ругают на чём свет стоит водителя автобуса, который уехал раньше времени, правительство, которое снова повысило налоги, и просто негодуют над своим бытием. Вокруг стоят бетонные многоэтажки, лишённые какой-либо архитектурной эстетики. Рабочий знает, что сегодня вернётся поздно к жене. Нетрезвый. Пьянки не всегда в радость, но позволяют заглушить пустоту в душе, тоску. Какую тоску? Откуда она взялась? Ответ на этот вопрос не найти. А потому круговорот этой жизни будут постоянно возвращаться, серое небо не явит собой лучи солнца, детский голосок не пробудит весёлым звоном их уютную, но словно спящую комнату. И всё. Дальше смерть и небытие.

Мы не разделяем точку зрения некоторых писателей, которые относятся к пролетариату как к трагедии человечества, осуждая их на вечное духовное обнищание. После появления индустриальных городов, человек новой эпохи – промышленный рабочий переживает, как выразился бы Хайдеггер, экзистенциальный ужас. Ужас своей эпохи, кризис и переоценку ценностей.

Действительно, крестьянская сельская среда жизни со

всеми традициями органично соотносится с жизнью человека и его взаимодействию с природой. В городах человек становится оторванным от семьи, от земли предков, от благоденствия природы.

Именно в пролетарской среде появляется миф о потерянном рае, где каждый рабочий жил в достатке, где наличие тоски по чему-либо не имеет смысла, ибо всё и так находилось рядом. Такой миф о спокойной «жизни до» благоприятно накладывается на саму идею коммунизма, как возвращение к истоку, «первобытному коммунизму» по выражению Энгельса или «небесному граду», как указало бы нам христианство. Либеральная концепция «среднего класса» в России с треском провалилась. Диалектическая борьба угнетаемых с угнетателями в основе своей продолжается, насколько бы доброжелательные формы не принимал бизнес. И пролетарий ухватился за эту спасительную соломинку, не желая оставаться «земным червём».

Стать новым человеком и построить справедливую цивилизацию, предложил марксизм, а его концепцию в практической форме разработал Грамши – как борьбу за гегемонию социальных групп в обществе и государстве. Марксизм, предлагая практическую реализацию мифа о золотом веке, исходил из практических соображений в обществе, в обществе победившего капитализма, промышленного производства и крупных городов. Поэтому сама концепция не получила широкой культурной поддержки среди земельных «ку-

лаков», которые помнили свои традиции, отрицаемые в городах. Но сам простой люд, не искушённый судьбою, всегда сопереживал подобным идеям.

Грамши кристаллизовал теорию марксизма с практикой. Первым толчком к интеллектуальному осмыслению стала Октябрьская революция, которая произошла не по канонам марксизма, поскольку общество не достигло в своём развитии капиталистического пика. Так что же, Ленин сделал революцию вопреки Марксу? Нет, говорит нам Грамши, Ленин удачно применил принципы гегемонии. Создал гегемонию он в тот момент, когда провозгласил союз пролетариата с крестьянством. Этот союз определил решающую роль в победе большевиков. Ленинизм – это первое достижение контргегемонии. Дальше Грамши приравнивает гражданское общество к интеллектуальному и помещает его не в базис по Марксу, а в надстройку. После чего приходит к заключению, что надстройка эта может быть автономна от базиса. Пока общественно-экономический базис в российском обществе не созрел до своей социалистической стадии, автономная надстройка, настроенная Лениным на гегемонию, опередила базис и позволила получить соответствующий результат. Автономность надстройки – второй фактор. Далее следует сам принцип гегемонии, который в условиях гражданского общества может осуществляться разными социальными группами при доминировании капиталистических отношений. Это заключительный третий фактор, зависящий

напрямую не от классовой принадлежности, а от нравственного выбора интеллектуала. Правда, он работает скорее, как исключение из правил в обществе, где интеллектуализм не ценится.

Таким образом, используя все 3 закона гегемонии, Ленин достиг преимущества, которое потом помогло красным выиграть в гражданской войне. Союз крестьянства с пролетариатом имеет не только стратегическое, но и философское значение. Пролетариат как бы делится своими достижениями с крестьянством, взамен получая «законсервированность» культуры, к которой можно обратиться как возвращение к эпистеме Духа, который пребывал в сельских поселениях.

Вы когда-нибудь задумывались о том, какой посыл несёт собою всеми любимый советский мультфильм «Простоквашино»? Мальчик отказывается улетать с родителями из города на море и сбегает в деревню. Там живёт в домике с говорящей собакой и котом, обменивая все блага «цивилизации» на такую счастливую жизнь. Это центральная идея всего мультфильма – настоящий исход человека к своим корням. Советское «Простоквашино» это не просто идея, а альтернатива либеральной буржуазной гегемонии. В нём рассказывается о другой жизни, о другом «домостроительстве», т. е. экономики. Эдуард Успенский нам показывает настоящую дружбу, искренность героев, но главное, точно передаёт атмосферу жизни «другого мира».

Переходным звеном к новой концепции здесь является

приобщение к достижениям науки и техники Дядей Федором (фоторужьё). Не порывая с Традицией, человек заимствует полезные достижения цивилизации. А это уже целая концепция археомодерна – модернизация «домостроительства» вместе с участием духа Традиции.

Что это, как ни наиболее удачная идея контргегемонии? Надо сказать, что сложная неявная идея Простоквашино в своём продолжении в современной Российской Федерации была абсолютна не воспринята. Сценаристов пусть и ругали за внешний вид героев, но для жителей это скорее был предлог, чтобы выразить негодование отсутствием прежней смысловой нагрузки. Продолжение событий в деревне изложено Э. Успенским с авторским искромётным юмором, но сюжет сделали не по мотивам его новых книг. Сценаристы сумели скопировать кроме поведения героев лишь принцип модернизации дома современными приборами. Но любили Простоквашино не за это, а за другую (в экзистенциальном смысле) жизнь Дяди Федора по «ту сторону мира», добрую альтернативу обществу.

В связи с разрушением иерархии ценностей в модерне и утверждением абсолютной веры в человека, постепенно и безвозвратно наступает эпоха размытия смыслов. Социологи даже были вынуждены ввести в оборот новый термин – экзистенциальный вакуум. Он означает отсутствие каких-либо ценностей, невозможность человека определиться в личных пристрастиях. Молодые люди не только путаются в ценно-

стях, они не находят их. Даже умудренным людям становится не ясно к чему стремиться, чего хотеть и для чего жить. Недостаток понимания смысла своей жизни приводит в затруднение социализации подростка, бегству от реальности (эскапизму) в лице наркомании, компьютерных игр, алкоголизма и, главным образом, через отсутствие понимания происходящих процессов. Антисоциальное поведение и неврозы затрагивает каждого человека. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что экзистенциальный вакуум стал постоянным спутником постмодерна.

Мы плавно приближаемся к другой идее Грамши. Он анализировал не только события в Италии, где при преобладании левых сил, Муссолини смог прийти к власти в результате гегемонии интеллектуальной среды фашистов. Исходя из текущих политических мировых процессов, было не трудно заметить, что есть ряд стран, которые не перешли полностью к буржуазным отношениям в обществе, не скопировали всю западную модель, а существуют на иных принципах – клановости, преобладанию религии, автократии и других институтов. Они подпадают под термин «цезаризма» и пользуются «трансформизмом», т. е. заимствованием элементов западного устройства для соответствия с однополярным гегемоном – США. Ситуационно, модель цезаризма позволяет выгадать время, которое необходимо, чтобы догнать соперников на международной арене и сохранить большую часть суверенитета при некоторых неизбежных компромиссах. Це-

ленаправленно строить «цезаризм», значит не соглашаться с принятием западной либеральной модели жизни. Поощрять патриотизм, державность и собственные традиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.